

УДК 13.130

Копылов В.А.

ТЕХНОКРАТИЯ: ПОИСКИ СОЦИАЛЬНОГО ИДЕАЛА В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА (НАЧАЛО ПУТИ)

У статті розглядається рішення проблеми взаємодії влади і знання в концептуальному полі технократизму, аналізується генезис концептуалізації ідей технократизму як рефлексії на якісну зміну місця й ролі в життєдіяльності суспільства технічного фактору. Формується поняття технократії. Розглядаються ідеї Сен-Симона, Веблена й Бернхема як основоположників технократичної концепції.

Ключові слова: технологічний детермінізм, техносфера, технократія, влада, знання, технічний спеціаліст.

In the article the solving problem of the interaction authority and knowledge in conceptual field of technocracy is considered. The idea of the technocratic is analyzed in the genesis of its conceptualization and as a reflection at the quality change of the place and role technological factor in the evolution of the society. The ideas of Sen-Simon, Veblane and Burnham is considered as the founders of technocratic conceptions.

Key words: technosphere, technocracy, knowledge, authority, technical specialist.

Интересно, что более двух тысячелетий мыслители самых различных школ, направлений и происхождений при определении общества использовали предикаты исключительно из философского категориального аппарата – «идеальное общество», «общество разума», в конце концов «социалистическое» или «коммунистическое общество». И только в XX веке социум все больше стал определяться через понятия, достаточно далекие от философии – машинное, информационное, технотронное, индустриальное или постиндустриальное и т.д. и т.п. Причем общим знаменателем этих и других определений стала идея техники как квинтэссенции всего сущего. Безусловно, коль так случилось, то это и именно в это время было закономерно и объективно обусловлено (насколько в принципе возможна социальная закономерность и детерминация). Поэтому, по нашему глубокому убеждению, начиная с XX века всякое философское осмысление техники и всего, что с ней связано, так называемой техносферы, имеет огромную и даже априорную актуальность. И чем дальше по оси времени, тем стремительнее эта актуальность будет возрастать, поскольку в обозримой перспективе все дальше и больше будет возрастать роль техники и всего, что с ней связано (назовем это техническим фактором), в жизни общества и отдельного человека. В этом огромном ряду актуальных задач по философскому осмыслению места и роли технического фактора в жизнедеятельности общества мы в данном случае постараемся обозначить только одну – как, когда и почему возникла технократическая идея, таким образом параллельно решая нашу главную проблему – как эксплицируется диалектика власти и знания в парадигме технологического детерминизма.

Не будем опускаться до трюизмов и раздражать просвещенного читателя нашего журнала описаниями деталей промышленной, а затем и научно-технической революции, действительно перевернувших образ жизни как отдельного индивида, так и социума в целом. Рефлексией процесса кардинального изменения места и роли техники в жизни общества и стал технологический детерминизм.

На наш взгляд, уже в середине XX века сложились необходимые и достаточные основания для классификации технологического детерминизма как вполне определенной самостоятельной парадигмы, поскольку в этом проблемном поле сформировалась не только своя методология, но и свои собственные научные школы со своими классиками, свои интеллектуальные традиции, свой дискурс, технологический детерминизм получил признание (впрочем, как положительное, так и отрицательное; напомним, что уже к концу XX века в противоположность идеям техницизма сложились идеи антитехницизма и технофобии) со стороны иных, уже конституционализированных парадигм и широкое географическое распространение. Поэтому определения технологического детерминизма типа «совокупность представлений» [1, с. 83] и даже как «методологической установки» [2, с. 298] кажутся нам либо вообще неадекватными, либо же, как минимум, недостаточными.

Ни в коем случае не ставя перед собой задачу характеристики парадигмы технологического детерминизма, отметим лишь основное, непосредственно связанное с решением нашей задачи. Исходной аксиомой является признание того, что технический фактор является определяющим в развитии всех других сторон общества и всего общества в целом, причем он сам имеет свою собственную, автономную, имманентную, а в радикальных вариантах даже как бы надсоциальную или внесоциальную природу бытия и развития, обладая таким образом некоей трансцендентной сущностью. Осмелимся предостеречь от вульгарного толкования в данном контексте технического фактора, техники, технологии. Идея технического фактора означает не только и не столько машины и инструменты, сколько, как удачно, на наш взгляд, отмечает, например, Дж.П. Грант, иное представление о мире, которое руководит нашим восприятием всего существующего. Наиболее адекватно это «иное представление о мире» формулирует Ж.-П. Кантон в своей идее «технокультуры», которую он применяет для характеристики содержания западноевропейской, т.е. наиболее технизированной цивилизации. В ауре технокультуры все и вся, что хочет быть влиятельным и эффективным, должно организовываться по подобию машин, то есть должно приобретать точный, обязательный, связанный с внешними правилами характер. Результатом стало формирование устойчивого набора массовых ценностных ориентации. Во-первых, это понимание природы как упорядоченной, закономерно устроенной системы, в которой человек разумный, познав ее законы, способен поставить внешний мир под свой контроль. Научная рациональность выступает в качестве важнейшей составляющей в комплексе ценностей технокультуры и задает парадигму деятельности в любой сфере. Во-вторых, идея преобразования мира и подчинения человеком природы, ставшая доминантой технокультуры: преобразующая деятельность рассматривается как главное предназначение человека. В-третьих, постоянная и все возрастающая

нацеленность на перемены, в основе которых лежит научно-технический прогресс. В-четвертых, воспроизводство всех отношений в обществе по аналогии с машинными технологиями, распространение технического мышления на все виды деятельности.

Таким образом, технологический детерминизм, не потеряв своей сути, давно вышел за узкие рамки примитивного техницизма и небезуспешно стремится коррелировать понятия «техника», «технология» с опорными категориями философии – цивилизация, культура, прогресс, ценности, идентификация, свобода. Примером современной работы технологического детерминизма может служить рассмотрение истории человечества как результата и отражения технического прогресса, релевантное именно и только для больших промежутков времени, на уровне которых история может восприниматься как реакция «культуры» на «технику» (разработку такого видения мы находим, например, у Д. Рибейро).

Из основополагающей посылки технологического детерминизма об определяющей, приоритетной роли технического фактора в организации, функционировании и развитии общества вполне логично следует вывод о том, что основные решения по организации, функционированию и развитию существенно технизированного общества должны принимать люди, наиболее непосредственно и существенно связанные с этим техническим фактором, являющиеся в некотором смысле его частью – так называемые научно-технические специалисты, причем свои решения они принимают исключительно на основе научной компетенции и рациональности. Таким образом, естественным и неизбежным продолжением (частью или даже вершиной) технологического детерминизма является идея технократии, утверждающая закономерное доминирование технических специалистов как в социальной структуре, так и в пирамиде социальной власти.

Термин "технократия" впервые применен американским исследователем В. Смитом в серии статей, опубликованных в 1919 г. в журнале «Industrial Management». В буквальном переводе с греческого это слово означает «власть мастерства», «власть ремесла». В семантическом контексте понятие «технократия» означает «власть, осуществляемая мастерами, ремесленниками», «власть, осуществляемая людьми, которые работают с механизмами и машинами, имея для этого определенные, технические знания». Хотя некоторые истоки таких идей можно найти уже у Платона в его учении по организации идеального общества во главе с философами, обладающими подлинным знанием, или у Конфуция, обосновывавшего ведущую роль в социальной организации дзюнь-цзы, обладающих специальным знанием. Однако говорить о зарождении именно технократизма в древнем мире нет оснований по той простой причине, что, с одной стороны, техника здесь даже в ее примитивном выражении еще не играет хоть сколько-нибудь существенной социальной роли, а следовательно, и нет специальной социальной группы связанной с техникой и соответствующим ей знанием, а с другой стороны, и знание здесь еще не есть рациональная, научная или, мы бы даже сказали, в первую очередь естественнонаучная система. То есть мы можем говорить о полном отсутствии объективных оснований для идей технократии. Предвидеть же то, что произойдет через две тысячи лет, не мог даже гений Античности.

Достаточно совершенные, обоснованные и систематизированные выводы о приоритетной роли техники и техников мы находим только в конце XVIII – начале XIX века, когда зарождается массовое машинное производство и начинается первая волна научно-технической революции. Идею технократизма впервые обосновывает и вводит в научный оборот Анри Сен-Симон (1760-1825). Разделяя взгляды французских материалистов, он самостоятельно приходит к основному выводу эпохи – законы социальной физики и, в первую очередь, универсальный характер ньютоновского закона всемирного тяготения распространяются и на общественную жизнь.

Таким образом, основу его социально философской платформы составили два постулата: во-первых, идея равновеликой закономерности и объективности развития природы и общества и, во-вторых, идея поступательного, прогрессивного развития общества, при этом главным критерием социального прогресса он считает меру развития научного знания, морали и религии. Причем место и роль элементов, составляющих эту триаду критерия, в ходе человеческой истории существенно меняется – если на первом этапе знание замыкает перечень критерия, то на третьем оно становится приоритетным основанием. Соответственно в человеческой истории Сен-Симон выделяет три основных этапа: теологический (от первобытного идолопоклонства до политеизма эпохи рабовладения); метафизический, основанный на монотеизме христианства; позитивный – эпоха будущего, когда единого Бога заменит единый закон притяжения и возникнет научное мировоззрение, главными носителями которого и выступят светские ученые и промышленники.

Таким образом, будущее общество предстает в идеях Сен-Симона как общественный идеал, воплощенный в «промышленной системе». «Все народы на земле стремятся к одной цели, – утверждал Сен-Симон, – она состоит в том, чтобы перейти от промышленного, феодального, военного режима к административному, промышленному и мирному» [3, с. 199]. Главными чертами нового промышленного общества является, во-первых, искоренение социального паразитизма и, во-вторых, всемерное развитие производительных сил, которое и обеспечит социальный прогресс. Сумма этих черт приводит к тому, что в центре социальной системы оказывается «класс промышленников», который и будет определять развитие и производительных сил, и общества в целом, причем делать это он будет исключительно на научной основе. И хотя Сен-Симон рассматривает этот класс достаточно эклектично, включая сюда и рабочих, и фабрикантов, и земледельцев, и торговцев, очень важно обратить внимание на то, что центральное место в нем занимают те, кто связан с индустриальным производством и, прежде всего, инженеры.

Рационализм Сен-Симона закономерно приводит его к выдвижению науки на передовые не только чисто экономические, но и широкие социальные позиции. Он обосновывает необходимость научного управления и планирования как производством, так и всеми социальными структурами. «...При современном состоянии знаний и цивилизации одни лишь промышленные и научные принципы

могут служить основанием общественной организации», – утверждал Сен-Симон [там же, с 304].

И хотя изобретение Сен-Симоном «нового христианства» для «простого народа» очень часто многие исследователи рассматривают как некоторую противоречивость и непоследовательность его концепции, мы считаем, что и здесь Сен-Симон последовательно и вполне логично проводит в жизнь свою главную идею, – идею технократизма. Поскольку, как нам представляется, изобретение новой религии понадобилось ему для того, чтобы еще раз показать и доказать социальную дифференциацию – одни люди, в силу собственного разума, могут овладеть научным знанием и поэтому поднимаются на вершину пирамиды власти, образуя господствующий класс, другие, в силу доминирования в собственном менталитете элементов веры, нуждаются в иной системе знания – в религии, которая вынуждает их располагаться на иной ступеньке социальной лестницы, образуя класс подчинения. Так, знание, с одной стороны, выступает как приоритетный атрибутивный признак человеческой природы, с другой стороны, является приоритетным критерием социального прогресса, с третьей стороны, есть главное основание социальной дифференциации, а с четвертой стороны, оно формирует фундамент будущего идеального общества.

Таким образом, в идеях Сен-Симона мы находим в достаточно определенном виде, по крайней мере, три важнейшие черты классического технократизма будущего: первая – это приоритетная роль промышленности, индустрии (кстати, именно Сен-Симон впервые ввел в научный оборот понятия «индустриализация», «индустриальное общество»), вторая – это организация управления обществом на основе научного знания и третья – это доминирующая социальная роль группы, наиболее тесно связанной, презентующей индустрию и научное знание, т.е. технических специалистов, промышленников. Поэтому, в отличие от некоторых авторов, мы считаем, что есть все необходимые и достаточные основания утверждать, что именно Сен-Симон стал основоположником технократизма. А ссылки на то, что в начале 19 века еще не было объективных оснований для идей технократии, т.е. на недостаточный уровень развития технического фактора, говорят только о гениальности Сен-Симона, сумевшего опередить свое время. Хотя не будем забывать, что начало XIX века – это уже формирование крупного машинного производства и начало первой волны научно-промышленной революции. Как нам представляется, не следует путать генезис идей и генезис их практического воплощения. Генезис идей технократизма следует начинать именно с Сен-Симона.

В последствии идеи Сен-Симона развивают его ученики Анфантен, Базар, Оленд, Родриг и другие, собравшиеся вокруг журнала “La Producteur”. Однако они, пожалуй, не идут дальше своего учителя, они лишь уточняют, дополняют его идеи, оставаясь, по большому счету, все в тех же границах меры, которые очертил еще Сен-Симон.

В первой половине XX века, когда в наиболее развитых странах начинается вторая волна научно-технической революции, на наш взгляд завершается формирование классического технократизма. Из гениального предвидения он

становится теорией, отражающей реальную жизнь, теорией, востребованной острейшими социальными проблемами, теорией, отвечающей на вызовы времени. Именно поэтому технократизм очень быстро становится одной из самых востребованных и распространенных социальных теорий.

Огромный вклад в окончательную концептуализацию технократизма внес Торстейн Веблен (1857-1929), которого достаточно часто и именуют основоположником этого течения. В теоретической области он был позитивистом и приверженцем так называемого институционализма – учения, рассматривающего развитие человеческого общества как смену различных «институтов», выражающихся в определенных типах социального поведения и способах мышления. При этом главной и, по существу, единственной движущей силой общественного и исторического развития Веблен считал экономику. Именно она, по его мнению, лежит в основе всех человеческих «институтов» и обуславливает их развитие и смену. С экономикой наиболее тесно связан важнейший человеческий инстинкт – «инстинкт мастерства» (“workmanship”), присущий всем людям с рождения. Этот инстинкт в конечном итоге и двигает развитием производства и, следовательно, всего общества. Сущность исторической эволюции человечества состоит, по Веблену, в постепенном «очищении» инстинкта мастерства от религиозных и идеологических наслоений, которое в конце концов должно привести общество к полному техническому триумфу и процветанию [4, с. 23-41].

Вершиной технологического детерминизма Веблена стала работа «Инженеры и система цен», которая вышла в 1921 г. в США. Здесь впервые в истории социальной философии была детально разработана концепция «технократии» в ее наиболее буквальной и радикальной форме. Руководствуясь своими идеями об «инстинкте мастерства», последовательной смене «институтов» и экономике, как движущей силе общественного развития, Веблен рассмотрел всю историю человечества в контексте эволюции технических форм производства и их отношения к человеку и обществу. Он пришел к выводу, что историю можно разделить на два основных периода – «доисторический», когда все люди работали сами на себя, но «инстинкт мастерства» еще не получил полного развития, и «период грабежа», в ходе которого представители господствующих социальных групп присваивали результаты труда непосредственных производителей, а «инстинкт мастерства» постепенно очищался от наслоений, но подавлялся различными институтами [там же, с. 12-13]. Последний период Веблен разделил на два этапа – «варварский», когда «ограбление» происходило самым непосредственным образом, и «денежный», когда «ограбление» стало происходить через посредство денег и экономической системы. Экономика и, особенно, промышленное производство постоянно опережали развитие всех «институтов», что приводило к многочисленным социальным конфликтам и политическим проблемам.

В настоящее же время «инстинкт мастерства» очистился от наслоений и в сочетании с «позитивным духом», рожденным западной цивилизацией, добился невиданного прогресса в производстве, науках и искусствах. Однако социально-политические отношения существенно отстали от этого прогресса: «эпоха

ограбления» продолжается, и у власти находятся бизнесмены, которые более не выполняют функций организаторов производства и только тормозят развитие экономики и общества своим «грабительским инстинктом» [там же, с. 34-45]. Поэтому главной проблемой современности является, по Веблену, конфликт между бизнесом и производством, между властью имущими и производителями. Этот конфликт ярко проявляется во всех сферах жизни, ибо новый индустриальный мир не может жить по старым законам, старым нормам морали, культурным и поведенческим стереотипам, восходящим к эпохе зарождения капитализма. Возникло принципиально новое «общество массового потребления», «праздник класс», и они, как показал Веблен в другой своей известной работе с адекватным названием [5], нуждаются в коренном изменении массового сознания, всех социокультурных норм и всей системы общественных отношений. В противном случае все позитивные потенции индустриального общества и прогресса не будут раскрыты и мир придет к кризису и упадку.

Разрешение всех этих проблем Веблен видел в создании новой «технократической» системы власти, которая сможет нейтрализовать конфликт между бизнесом и производством и открыть путь к становлению нового индустриального общества. Поскольку успехи производства, науки и техники значительно опережали успехи в социально-политической области, к власти в обществе и государстве, по мнению Веблена, должны прийти люди, которые организуют столь эффективное производство, доминируют в развитии научной и технической мысли, обеспечивают благосостояние всего населения западных стран, а именно: руководители предприятий, специалисты-технологи, технические инженеры и администраторы [4, с. 84-85]. Эта новая техническая элита в полной мере соответствует потребностям индустриального общества, ибо специалисты-техники «знают как» построить эффективную экономическую деятельность и смогут согласовать с современными техническими и экономическими достижениями устаревшие социальные институты, политические традиции, консервативное мышление и нормы поведения, унаследованные от прошлых эпох [там же, с. 86].

Новому индустриальному обществу нужны новые лидеры, и естественно, что ими могут стать только руководители индустрии и специалисты-техники. Они должны любым возможным путем отобрать власть у бизнесменов и поставить все общество и хозяйство под свой контроль. При этом Веблен считал вполне допустимым и революционным путь преобразования, который должен начаться с всеобщей забастовки инженерно-технических специалистов (совсем как у Ленина). Для этого технократы должны объединиться, и создать «генеральный штаб индустриальной системы», который будет вести борьбу за власть всеми способами, а затем станет основой будущего правительства. Он будет отправлять преимущественно исполнительные функции и руководить развитием экономики и общества, согласуя их между собой [там же, с. 99]. Каким конкретно образом все это может быть достигнуто, Веблен не прояснял, но его убежденность в необходимости передачи власти «инженерам» и «технократом» была непоколебимой. Только таким путем индустриальное общество превратится в реальность, станет полноценным и

всеобъемлющим, а каждый человек получит возможность в полной мере использовать достижения современной эпохи, живя в полном согласии с окружающим миром и всем обществом, «идя в ногу со временем».

Концепция Веблена в целом отличалась некоторой поверхностностью и отсутствием реализма, и в конечном итоге походила более на футуристическую утопию, чем на реальную теорию преобразования общества и власти. Поэтому она не повлекла за собой каких-либо практических последствий и не была воспринята большей частью американского общества всерьез. Тем не менее в науке она получила дальнейшее развитие, положив начало «технократической теории», не исчерпавшей себя еще и сегодня.

Непосредственным продолжателем идей Веблена стал Джеймс Бернхем (1905-1988). Он заимствовал у Веблена саму идею «власти знающих», а именно технократов и «специалистов», но придал ей несколько иное, более обоснованное и реалистическое звучание. Основным недостатком работ Веблена был резкий акцент на необходимости передачи власти именно «техническим специалистам», не столько «руководителям экономики», сколько руководителям самого производства – инженерам, технологам и т.д. Было совершенно ясно, что подобные специалисты в силу своего технического образования и склада ума просто не смогут полноценно управлять обществом. Поэтому Бернхем выдвинул идею, что обществом должны руководить не они, а реальные руководители производства и экономики – менеджеры. В этом отношении он опирался на исследования американских экономистов – Т. Карвера, А. Берли и Г. Минса, которые убедительно доказали, что эффективность работы предприятия в любой сфере экономической деятельности зависит прежде всего от правильного эффективного менеджмента, а не от руководства технологическим процессом производства.

Исходя из этого, Бернхем предположил, что именно менеджеры смогут управлять всем обществом и государством, так же эффективно, как они управляют современными американскими предприятиями. Поэтому он предложил новую концепцию – «революции менеджеров», которую окончательно сформулировал в одноименной книге, вышедшей уже в начале Второй мировой войны [6]. Как и Веблен, Бернхем утверждал, что в связи с происходящей трансформацией традиционного буржуазного общества в технологическое возникает острая потребность изменить не только социально-политические институты и ментальность людей, но и абсолютно весь способ жизни. Управлять этим новым сложным обществом, основанным на технологиях и массовом производстве, смогут только люди новой эпохи, подлинные «хозяева» экономики – менеджеры. «Менеджер, – говорит Бернхем, – это новый человек, специалист не по машинному производству, химии или энергетике, а специалист по руководству и управлению, не больше, не меньше» [там же, с. 74-75]. Поскольку именно экономика лежит в основе всей жизни общества, в индустриальных странах в ближайшем времени сформируется новый социально-экономический и политический порядок, где господствующей группой так или иначе окажутся не бизнесмены, а менеджеры [там же].

Бернхем считал это необратимым процессом и поэтому, в отличие от Веблена, не призывал менеджеров к забастовке и захвату власти. Он полагал, что они в скором времени и так станут «господами» в обществе. Основанием тому, по его мнению, являлась распространившаяся в 20-30-е годы во всех индустриальных странах тенденция все более отделять функции управления от функций владения [там же, с. 78]. Руководящей группой в экономике постепенно становились менеджеры и чиновники исполнительного государственного аппарата, грань между которыми все более стиралась. Поэтому менеджеры, по твердому убеждению Бернхема, в скором времени будут руководить не только экономикой и потреблением, но и всей политической жизнью государства, осуществляя свою власть преимущественно через административно-исполнительные органы. Вместо старой буржуазной элиты возникнет новая элита менеджеров, которая займет господствующие позиции в обществе. Она будет контролировать средства производства, распределение прибавочного продукта, выработку и исполнение политических решений, вследствие чего всё государство станет фактической собственностью менеджеров [там же, с. 81-86].

Тем не менее, Бернхем полагал, что процесс перехода к новому индустриальному «обществу менеджеров» все же должен быть контролируемым, ибо иначе, в условиях «беспорядочной» либеральной демократии, он никогда не осуществится надлежащим образом. Прежде всего, в обществе должна быть установлена очень четкая иерархия, то есть разделение на тех, кто является менеджерами, и тех, кем следует управлять [там же, с. 94-98]. Помимо этого необходимо социально-политическое единство общества, предотвращение раскола и центробежных тенденций, которые могут нарушить иерархию и ослабить власть менеджеров. В духе Грамши, Бернхем предполагал, что такое единство должно поддерживаться не столько полицейскими мерами и жестким административным контролем, сколько идеологией и культурой. Поэтому он настаивал на необходимости создания для западных индустриальных стран новой идеологии и системы ценностей, которые бы соответствовали принципам индустриального общества, в частности, акцентировали внимание на фигуре менеджера и необходимости подчинения ему ради достижения процветания в будущем [там же, с. 111-114].

В области отношения человека и государства в период «перехода к новому обществу» Бернхем считал вполне допустимым ограничение демократических свобод и прав граждан. В идеологии, системе ценностей, законодательстве и политике основной акцент должен быть сделан не на права, а на «обязанности», «дисциплину», «организованность», «порядок», ибо именно эти универсалии позволяют добиться единства общества и они же очень близки «идеологии менеджмента», новой элите общества [там же, с. 123]. В этом отношении взгляды Бернхема тесно сближались с популярными в межвоенный период тоталитаристскими учениями и идеологиями, и сам исследователь отнюдь этого не скрывал. Он открыто говорил о «технических преимуществах» германского фашизма и советского тоталитаризма, полагая, что они

в определенной мере отражают «новый порядок», необходимый для воплощения в жизнь идеалов индустриального технократического общества.

Концепция «революции менеджеров» Дж. Бернхема оказалась, таким образом, антидемократической по своей сущности. Как и многие сторонники идеи «власти знающих», начиная со времен Платона, Бернхем готов был жертвовать политическими свободами ради достижения наиболее эффективного управления обществом. Высокая цель оправдывала экстремальные средства, и надо заметить, что для межвоенного периода в этом не было ничего необычного. Расцвет тоталитарных режимов в Европе и СССР, явная слабость западной демократии перед лицом «великой депрессии» и международных конфликтов, общие политические тенденции эпохи способствовали распространению тоталитаристских, «элитистских», «вождистских» настроений даже в таких демократических государствах, как США.

Главный же недостаток концепции Бернхема, равно как и теорий Веблена, заключался не в их антидемократизме (ибо это скорее следствие), а в перенесении принципов управления таким простым социальным институтом, каким является капиталистическое предприятие, на весь самый сложный общественный организм современного государства. Восхищаясь перспективами власти технических специалистов, Веблен и Бернхем не принимали во внимание структурные различия между экономикой и обществом и, по существу, игнорировали политическое как таковое, но и человеческое в принципе. Поэтому технократический вариант социального идеала так и остался на уровне неосуществимых идей, хотя и сыграл значительную не только теоретическую, но и практическую роль.

Итак, можно сделать вывод, что идеи технократизма начали формироваться в самостоятельную теорию в начале 19 века и связано это было с именем Сен-Симона, завершение же процесса концептуализации произошло уже в первой половине XX века в работах прежде всего Веблена и Бернхема. Это во-первых. Во-вторых, технократизм возник, сложился и развивается в методологических рамках технологического детерминизма, как и вся парадигма. Он есть вполне закономерная реакция разума на объективные процессы в экономике и сознании – на революционное развитие, а следовательно, и адекватное изменение места и роли технического фактора в жизни общества, на трансформацию технического фактора в одну из важнейших составляющих и детерминант всего общественного развития, вне технологического детерминизма технократизм нелогичен и бессмысленен. В-третьих, технократизм есть идея обосновывающая доминирующее место и приоритетную роль в обществе (и во власти не в последнюю очередь. И на это следует обратить особое внимание: технократизм концептуализирует не только проблему политической власти) именно инженерно-технических и научно-технических специалистов, место адекватное новому месту и роли техники. И, в-четвертых, технократизм, как и любая абсолютизация, страдает переоценкой одного из многих факторов, в данном случае роли техники и научно-технических специалистов, как любая абсолютизация, он недооценивает сложности и особенности других институтов. И тем не менее, технократизм, окончательно концептуализировавшийся в начале XX века, продолжает не просто существовать, а в

той или иной форме процветать и в начале XXI века. Одного этого достаточно для утверждения о том, что в современном мире поиски социального идеала вне контекста технического фактора мало перспективны.

Литература:

1. Современная западная социология: Словарь. – М., 1990.
2. Современная западная философия: Словарь. – М., 1991.
3. Сен-Симон А. Избранные сочинения. М.-Л., 1948.
4. Veblane T. Engineers and the System of Prices. – N.Y., 1921.
5. Веблен Т. Теория праздного класса. – М., 1986.
6. Burnham J. The Managerial Revolution. – N.Y., 1941.